

ЮЛИЯ ОРШАНСКАЯ

ЧУЖОЙ ЛЁД

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОРОНЫ

все имена и истории вымышлены
любые совпадения случайны

18+

8+

Юлия Оршанская

Чужой лёд. История одной короны

<https://litres.ru/74188927>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она потеряла всё: брак, карьеру, веру в любовь. Алина приезжает в маленький город с одним чемоданом, чтобы начать заново. Новая работа — пресс-атташе хоккейного клуба «Лёд». Новый шанс доказать себе, что она чего-то стоит. Но в первый же день на арене она видит его. Георгия. Мужчину, который два года назад разбил ей сердце.

Он — нападающий, сосланный в заштатный хоккейный клуб после скандала. Она — женщина, которую он не смог забыть. Их прошлое — тайна, их настоящее — битва. Между ними лёд, который невозможно растопить. Но когда компромат угрожает уничтожить их обоих, им придётся решить: продолжать прятаться или выйти на чужой лёд вместе. Даже если это будет стоить им карьеры.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ДВА ГОДА МЕЖДУ	9
«ЧЕК»	19
ГЛАВА 1	27
ГЛАВА 2	32
ГЛАВА 3	42
ГЛАВА 4	51
ГЛАВА 5	58
«ЛЁД»	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Юлия Оршанская

Чужой лёд. История одной короны

ПРОЛОГ

АЛИНА

Он говорил, что я — его королева.

И я, дура, верила. Стояла в лучах софитов и думала, что мир наконец-то мой. Вечернее платье обнимало бёдра так, будто его сшили прямо на мне. Корона — бутафорская, но сверкающая, как настоящая, — чуть сползла набок после восьми часов съёмок. Я не чувствовала ног. Не чувствовала голода. Только эйфорию — липкую, сладкую, пьянящую. Клип получился огнём. Команда аплодировала. Режиссёр сказал: «Ты рождена для камеры».

Вот оно. Моя жизнь наконец-то моя.

И ещё я думала о нём. О том, как он напишет через мину-

ту: «Ну что, Королева, как всё прошло?» О том, как я приеду к нему поздно ночью, всё ещё в этом платье, и он снимет его с меня медленно, с наслаждением. О том, как утром мы будем пить кофе, смеяться над чем-то глупым, строить планы.

Господи, какая же я была идиотка.

Я вышла в соседний зал кафе за водой. Всего на минуту. Вода. Стакан. Вернуться к съёмкам, доснять последнюю сцену, получить свои аплодисменты и уехать к нему.

И я увидела его.

Георгий. За столиком у окна. Не один. Рядом — девушка. Блондинка, кукольное лицо, рука на его предплечье. Она что-то шептала ему, почти касаясь губами уха. Он смеялся.

Мой Георгий. Мой. Смеялся с другой.

Корона съехала на затылок. Я не поправила. Вода в стакане так и осталась нетронутой. Я стояла — вечернее платье, корона, — и смотрела, как рушится всё. Неделью назад он держал меня за лицо в том проклятом подъезде и говорил: «Ты — моё всё. Я никогда не сделаю тебе больно». Я помню его запах. Помню, как дрожали его руки. Я разрешила себе поверить. Первый раз после развода. Первый раз после му-

жа, который научил меня, что любовь — это чек, предъявленный к оплате.

Поздравляю, Алина. Ты снова купилась.

Георгий поднял голову. Наши глаза встретились. Я видела, как с его лица схлынула кровь. Как он открыл рот. Как начал подниматься — слишком медленно, слишком поздно.

Я развернулась и ушла. Корона упала где-то у двери. Я не обернулась.

Королева умерла. Да здравствует железная леди.

ГЕОРГИЙ

Я увидел её слишком поздно.

Она стояла в арке между залами — в чёрном платье, которое я мысленно уже сто раз с неё снял, с короной на голове. Моя Королева. Моя Алина. И смотрела так, будто я ударил её ножом.

Я не бил. Клянусь, я не бил.

Я знаю, что она увидела. Чужая рука на моём плече. Чужой смех слишком близко. Я даже не помню, как зовут эту блондинку — агент, менеджер, кто-то, кого подослали решить «вопросы со спонсорами». Она говорила без умолку, а я кивал. После утренней тренировки гудели ноги, саднило плечо после столкновения у борта, но всё это было ерундой. Мысли были заняты одним — скоро напишу Алине, скоро услышу её голос.

А потом я поднял глаза. И проиграл. Всухую. Без шансов.

Она уже уходила. Корона покатилась по полу — золотая, дурацкая, наша с ней шутка. «Если я Королева, то ты кто?» — «Твой верный рыцарь. Идиот в доспехах, но верный».

Я рванул за ней. Стул упал. Блондинка что-то крикнула. Я не слышал. Потому что в ушах звенело только одно: не уходи, не уходи, не уходи.

— Алина! Стой! Алина, это не то, что ты думаешь! Пожалуйста!

Дверь захлопнулась перед моим носом. На улице шёл дождь. Она села в такси. Я стучал по стеклу, кричал её имя. Она смотрела вперёд — ни слезинки, ни эмоции. Только ле-

дяной профиль Королевы, которая больше никому не верит.

Потому что я всё разрушил. Сам. Своими руками.

Такси уехало. Я остался стоять под дождём. С разбитым сердцем. С мыслью, которая будет жечь меня следующие два года: я только что потерял единственную женщину, которую любил. И она никогда не узнает правду.

Я подобрал корону с пола кафе. И не смог заставить себя выбросить.

Я сохраню её. Навсегда. Даже если она никогда об этом не узнает.

ДВА ГОДА МЕЖДУ

АЛИНА

Три дня после кафе

Я не плакала. Три дня — ни слезинки.

Отменила съёмки. Отключила телефон. Заказала еду и не притронулась. Ходила по квартире в том же вечернем платье, потому что не было сил переодеться. Корона осталась там, на полу в кафе. Как и моя вера в любовь.

Ты же железная. Ты же сама так решила.

На четвёртый день приехала мама. Открыла дверь своим ключом, увидела меня — и ахнула.

— Алинка, что с тобой? Ты белая как мел.

— Я в порядке.

— Ты не в порядке. Ты даже платье не сняла.

Она усадила меня на диван, принесла чай, укрыла пледом. И только тогда я сломалась. Слезы хлынули сами — некон-

тролируемым потоком, с рыданиями, с воем.

— Он предал меня, мам. Я верила ему. Я любила его. А он...

— Тише, тише. Всё пройдёт.

— Не пройдёт. Я не хочу, чтобы проходило. Я хочу, чтобы ему было так же больно, как мне.

Я не знала, что в этот момент он стоял под моими окнами. Не знала, что он звонил сорок два раза. Не знала, что разбил телефон о стену и сидел на асфальте, обхватив голову руками.

Я знала только свою боль. И она была бездонной.

Месяц после кафе

Я сменила номер. Удалила соцсети. Уехала из Москвы — сначала к маме, потом в Питер, к подруге. Не могла оставаться в городе, где каждая улица орала о нём. Где мы целовались в подъездах. Где он держал меня за руку. Где я была счастлива.

В Питере нашла работу — мелкую, не по профилю. Ре-

дактировала чужие тексты за копейки. Снимала комнату в коммуналке. По вечерам сидела у окна и смотрела на Неву.

Моя жизнь кончилась в двадцать шесть лет. Отлично. Просто блестяще.

Один раз зашла в интернет. Набрала его имя. Увидела фотографию с вечеринки — он смеялся, рядом девушка. Не та блондинка. Другая.

Он забыл меня. Уже забыл.

Я не знала, что через месяц после кафе его отстранили от игр. Что он сорвался на тренировке. Что пил неделю, не просыхая. Что его друг Павел, капитан команды, вытащил его из забегаловки и привёз к себе.

Я не знала. И не хотела знать.

Год после кафе

Вернулась в Москву. Сняла квартиру на окраине. Начала выстраивать карьеру заново — через унижительные собеседования, через «у вас нет актуального опыта», через «мы вам

перезвоним».

Бывший муж прислал букет с запиской: «Я же говорил, что ты вернёшься». Я выбросила цветы в мусоропровод.

Работала на трёх работах. Похудела на восемь килограммов. Научилась улыбаться, когда хотелось плакать.

Железная леди. Броня. Никто не пробьёт.

Но по ночам мне всё ещё снился он. Его руки. Его голос. Его «ты моя королева». Я просыпалась в слезах и ненавидела себя. Ненавидела его. Ненавидела ту блондинку. Ненавидела любовь — всю, целиком.

Больше никогда. Ни один мужчина. Я буду одна — и это будет моя броня.

Полтора года после кафе

Я узнала, что он уехал в маленький город. В клуб, который никто не воспринимал всерьёз. Газеты писали: «Георгий закончился. Ссылка в низшую лигу — приговор».

Прочитала и ничего не почувствовала. Почти.

Вечером достала старую коробку из-под обуви. Ту самую, которую возила с собой из города в город и ни разу не открывала. Polaroid, где он целует меня в щёку. Билеты с нашего первого свидания. Засушенный цветок. Его зажигалка — серебряная, с гравировкой «Г».

Я хотела выбросить её сотню раз. И не смогла.

Корона осталась там, на полу кафе. Я не стала её поднимать.

Я смотрела на эти обрывки прошлого и думала: почему я не могу забыть? Почему всё ещё помню запах его кожи? Почему всё ещё слышу его смех?

Ответа не было.

И тогда я решила: уехать. Туда, где меня никто не знает. Где нет его. Где нет воспоминаний.

Вспомнила о квартире отца. О ключах с брелоком в виде Эйфелевой башни. О словах: «Это твоё убежище, Алинка. На чёрный день».

Чёрный день настал.

Я собрала чемодан, продала машину, разорвала договор аренды. И уехала.

Я не знала, что он там. Не знала, что судьба уже расставила фигуры. Не знала, что через два месяца войду в офис клуба «Лёд» и увижу его.

Но это будет потом. А пока — дорога, дождь, навигатор. И сердце, которое всё ещё помнит.

ГЕОРГИЙ

Три дня после кафе

Я не спал трое суток.

После того как такси увезло её, стоял под дождём и смотрел на пустую улицу. Потом пошёл в бар. Потом ещё в один. Потом оказался у её дома — пьяный, с короной в руках.

— Она уехала, — сказал консьерж.

Я не поверил. Поднялся на этаж. Звонил в дверь час. Никто не открыл.

Сел на лестницу и написал ей сорок два сообщения. Все остались непрочитанными. Звонил — сначала каждые полчаса, потом каждый час, потом раз в день. Через неделю номер был заблокирован.

Разбил телефон о стену. Купил новый. Снова разбил.

Корона лежала во внутреннем кармане. Я доставал её каждую ночь и смотрел на стразовые грани под светом фонаря. Помнил, как она смеялась, когда надела её в первый раз.

«Если я Королева, то ты кто?» — «Твой верный рыцарь. Идиот в доспехах, но верный».

Самый верный идиот на свете. Который всё просрал.

Месяц после кафе

Меня отстранили. Я сорвался на тренировке — ударил партнёра, сломал клюшку о борт, наорал на тренера. Ваге — мой тренер, человек-легенда — отвёл меня в сторону:

— Ты теряешь карьеру, Георгий. Из-за бабы.

— Она не баба. Она — всё.

— Тогда почему ты сидишь здесь и пьёшь, вместо того чтобы вернуть её?

— Потому что я всё разрушил.

Он сел рядом и замолчал. И это молчание было важнее любых слов.

А потом я ушёл в запой. Неделю меня не могли найти. Павел, мой друг и капитан команды, отыскал меня на окраине Москвы — грязного, небритого, с пустой бутылкой. Поднял, привёз к себе, заставил принять душ.

— Ты себя убиваешь, Жора.

— Мне всё равно.

— Ей было бы не всё равно.

— Она ненавидит меня.

— Значит, докажи, что достоин. Не сейчас. Потом. Но докажи.

Я запомнил. Эти слова стали моим якорем.

Год после кафе

Вернулся в хоккей. Тренировался как одержимый. Но репутация была испорчена — скандал, драка, пьянство. Ни один крупный клуб не хотел брать. Перебивался краткосрочными контрактами, играл в низших лигах, жил в дешёвых гостиницах.

Иногда заходил в интернет. Искал её. Находил старые фотографии, статьи о клипах. Один раз наткнулся на статью о разводе — и внутри что-то перевернулось.

Она свободна. Но не моя.

Я начал собирать всё: вырезки, скриншоты, эфиры. Сложил в коробку — туда же, где лежала её корона. Павел называл это «алтарём безумца». Я не спорил.

Нанял детектива. Попросил узнать, кто была та блондинка. Через месяц получил ответ: Лена Морозова, агент по спонсорским контрактам. Нанята неизвестным заказчиком.

— Кто-то заплатил ей, чтобы она была там в тот вечер, — сказал детектив. — Кто-то хотел, чтобы вы расстались.

Я найду его. Чего бы это ни стоило.

Полтора года после кафе

Мне предложили контракт в маленьком городе. Клуб «Лёд» — новая команда, никаких перспектив. Ваге, который стал главным тренером, позвонил:

— Это твой последний шанс, Георгий. Либо ты его используешь, либо заканчиваешь.

— Я согласен.

— Там даже пресс-атташе нормального нет. Всё с нуля.

— Мне всё равно. Я просто хочу играть.

Я не знал, что пресс-атташе там уже есть. Вернее, будет. Что она уже едет в этот город — на стареньком внедорожнике, с одним чемоданом и ледяной пустотой в груди. Что судьба, которая разлучила нас два года назад, решила дать второй шанс.

Я просто сел в машину и поехал.

«ЧЕК»

За год до кафе

АЛИНА

Дом был огромным. Трёхэтажный особняк в сосновом лесу — не наш, арендованный специально для этого ужина. Муж сказал: «Партнёры должны видеть, что у меня всё на высшем уровне. Включая жену».

Я стояла перед зеркалом в гостевой спальне и разглядывала платье, которое он выбрал. Чёрное, узкое, с открытой спиной. Дорогое. Как всё в моей жизни последние семь лет. Он купил его в Милане и прислал с курьером. Я даже не примеряла — знала, что сядет идеально.

— Ты готова? — его голос из-за двери. Всегда ровный. Всегда контролирующий.

— Да.

Я вышла в коридор. Он осмотрел меня — быстро, как осматривают купленную вещь, — и кивнул.

— Хорошо. Не забудь улыбаться.

Гости уже собрались в гостиной. Человек пятнадцать — его деловые партнёры, их жёны, какие-то чиновники. Шампанское лилось рекой. Я улыбалась всем, подставляла щёку для поцелуев, говорила «очень приятно» нужное количество раз. Я играла роль, которую выучила за годы брака. Идеальная жена. Идеальный аксессуар.

За ужином я сидела на другом конце стола — подальше от мужа, поближе к жёнам партнёров. Женщины говорили о детях, о спа-курортах, о новых коллекциях. Я поддерживала разговор, смеялась в нужных местах, но мыслями была далеко. В кармане телефона лежало непрочитанное сообщение от старого друга — он звал меня сниматься в клипе. Я ещё не ответила, потому что муж не одобрял мои «творческие порывы».

— Алина, дорогая, — голос мужа перекрыл шум застолья. Он поднялся с бокалом в руке. — Я хочу сказать тост за мою жену.

Гости затихли. Я напряглась. Он никогда не говорил тостов за меня.

— За мою Алину, — он улыбался, но глаза оставались

холодными. — Лучшее вложение в моей жизни.

За столом засмеялись. Жёны заулыбались — кто-то искренне, кто-то завистливо. Я почувствовала, как внутри всё сжимается. Вложение. Он сказал это при всех. Как шутку. Как комплимент. Но мы оба знали, что это не шутка.

Я подняла бокал и улыбнулась.

— Спасибо, дорогой.

После ужина, когда гости разъехались и дом опустел, он зашёл в спальню. Я сидела у окна, всё ещё в платье, и смотрела на сосны, чернеющие в темноте.

— Что это было? — спросил он. Голос спокойный, но я знала этот тон. Так он говорил перед тем, как начинался разнос.

— Что именно?

— Ты разговаривала с Андреевым. Полчаса. О чём?

Я попыталась вспомнить. Андреев — один из партнёров, пожилой мужчина с седыми усами. Он спрашивал о моём образовании, о журналистике, о том, почему я бросила карьеру.

— Он интересовался моей работой. Я рассказала, что училась на журфаке.

— Он интересовался не твоей работой. Он интересовался тобой. А ты ему улыбалась.

— Я всем улыбалась. Ты сам просил.

Он подошёл ближе. Я не обернулась, но чувствовала его спиной. Холод. Всегда холод.

— Ты знаешь, сколько я вложил в этот проект? — спросил он тихо. — Андреев — ключевой инвестор. Если он решит, что моя жена слишком дружелюбна с другими мужчинами, это может стоить мне контракта. Ты этого хочешь?

— Я просто поддерживала разговор. Ничего такого.

— «Ничего такого», — повторил он. — Алина, ты красивая женщина. Ты не можешь просто «поддерживать разговор». Каждое твоё слово, каждый взгляд — это сигнал. Ты посылаешь сигналы, даже когда молчишь. И сегодня ты послала неправильный сигнал.

Я повернулась к нему.

— Я не флиртовала с ним. Он годится мне в отцы.

— Дело не в возрасте. Дело в том, что ты — моя жена. А моя жена не разговаривает с другими мужчинами так, будто она свободна.

— Я не свободна? — мой голос дрогнул.

Он посмотрел на меня — долгим, оценивающим взглядом. Как на вещь, которая начала давать сбой.

— Ты свободна ровно настолько, насколько я тебе позволяю. Ты живёшь в моём доме, носишь мои платья, тратишь мои деньги. И взамен ты делаешь только одно — выглядишь и молчишь. Сегодня ты с этой задачей не справилась.

— Я не вещь.

— Нет, — он подошёл вплотную и взял меня за подбородок. — Ты не вещь. Ты — моя жена. А это значит, что ты принадлежишь мне. Точно так же, как я принадлежу тебе. Это контракт, Алина. Ты подписала его семь лет назад. И условия не меняются.

Он отпустил меня, развернулся и пошёл к двери.

— Завтра у нас ещё один ужин. Постарайся не испортить и его.

Дверь закрылась. Я осталась одна. Платье, которое он купил. Дом, который он арендовал. Жизнь, которую он контролировал.

Я посмотрела на своё отражение в тёмном окне — краси-

вая женщина в чёрном платье. И впервые за три года я не узнала её.

Три месяца спустя

Я подала на развод в понедельник утром. Эля спала в соседней комнате — ей было шесть, она ещё верила, что папа просто много работает. Я смотрела на неё, на её разбросанные по подушке волосы, на плюшевого зайца, прижатого к щеке, и понимала: я уйду не только ради себя. Ради неё тоже. Она не будет расти в доме, где мать — пустое место. Она не будет думать, что любовь — это когда тебя покупают.

Он не кричал. Не угрожал. Просто посмотрел на меня через стол своего адвоката и сказал:

— Ты вернёшься. Ты будешь умолять меня на коленях принять тебя обратно. Без меня ты — никто. Твой журфак, твои амбиции, твои «клипы» — это пыль. А я дал тебе всё. Ты приползёшь через месяц, максимум два.

Я не забыла.

Я ушла с одним чемоданом. Сняла комнату на окраине Москвы и начала заново. Устроилась редактором в онлайн-журнал. Потом — на телевидение, ассистентом. Потом

— первые съёмки, первые клипы.

Через полгода я встретила Георгия.

Он был всем, чем не был мой муж. Тёплым. Смешливым. Он смотрел на меня не как на вложение — как на чудо. Впервые за долгое время кто-то видел во мне не аксессуар, а человека.

А потом было кафе. Блондинка. Корона, падающая на пол.

И я подумала: конечно. Этого следовало ожидать. Муж был прав. Я — вещь, которую можно купить, использовать и выбросить.

Я не знала тогда, что всё было подстроено. Что та блондинка — не случайность, а звено цепи, которая тянулась из моего прошлого. Что бывший муж не смирился с моим уходом и нашёл способ ударить снова — не сам, чужими руками.

Я не знала.

Я просто сбежала. Снова.

ГЛАВА 1

АЛИНА

Два года спустя

Дождь хлестал по лобовому стеклу с такой силой, что дворники не справлялись. Я вела старенький отцовский внедорожник — он пах бензином и мятой, как прошлое, от которого я пыталась сбежать, — и уговаривала себя не психовать.

Ты сама так решила. Сама собрала чемоданы. Сама подписала документы. Всё правильно. Всё.

Навигатор женским ледяным голосом объявил: «Вы прибыли в пункт назначения». Я остановилась у пятиэтажки с облупившейся штукатуркой, заглушила мотор и минуту просто сидела, слушая, как дождь барабанит по крыше. Маленький город встретил серым небом, запахом мокрой листвы и тишиной. Оглушительной тишиной после Москвы.

Никто не выбежал встречать. Никто не прислал цветы. Никто не написал: «Ты спятила, возвращайся».

Потому что возвращаться некуда, Алина. Ты сама сожгла все мосты. И правильно сделала.

Я вышла из машины, подхватила чемодан и пошлёпала к подъезду, проклиная каблуки, лужу у крыльца и собственную дурость. Ключи нашлись на дне сумки — старые, с брелоком в виде Эйфелевой башни. Отец подарил мне эту квартиру на двадцатилетие. Сказал: «Это твоё убежище, Алинка. На чёрный день». Я тогда смеялась — какой чёрный день, у меня впереди целая жизнь, яркая, как софиты. А отец, как всегда, оказался прав.

Чёрный день настал. Даже не день. Чёрный год. Чёрные два года.

Я открыла дверь, вдохнула запах пыли и старого паркета. Квартира была крошечной — кухня, спальня, гостиная, совмещённая с чем-то вроде кабинета. Мебель старая, советская, но добротная. На подоконнике — засохший фикус. На стене — фотография отца в военной форме. Я провела пальцем по стеклу.

— Ну привет, пап. Я вернулась.

Тишина. Только дождь за окном.

Я сняла плащ, бросила на стул и прошлась по комнатам, зажигая свет. Всё работало. Всё ждало меня. Как будто отец знал, что когда-нибудь я приду сюда — без мужа, без иллюзий, с одним чемоданом и ледяной пустотой в груди.

Я достала телефон. На заставке — Эля, смеётся в объектив. Снимок сделан в прошлом году, ещё в Москве, до всего. До развода. До судов. До этого города.

Она сейчас у мамы, в Нижнем. Я позвонила ей перед отъездом и сказала: «Малыш, мама поедет вперёд, обустроит всё, а потом ты приедешь». Она спросила: «Там будет моя комната?» И я ответила «да», хотя ещё не знала, будет ли.

Теперь знаю. Будет.

Я открыла дверь во вторую комнату — маленькую, с окном во двор. Здесь поместится кровать, письменный стол, полка для книг. Обои старые, в цветочек, но это можно исправить. Главное — окно выходит на светлую сторону. Ей будет удобно делать уроки.

Скоро, Эля. Скоро мы будем вместе.

Телефон завибрировал. Сообщение от Евгения Викторовича — директора хоккейного клуба «Лёд». Того самого клуба, куда я завтра выхожу на работу.

«Алина, жду вас завтра в 9:00. Адрес вы знаете. И не волнуйтесь — вы здесь не чужая. Вы уже часть команды».

Я перечитала дважды. Станный он человек. Мы встретились случайно — в поезде. Я сидела у окна, пила отвратительный растворимый кофе и смотрела в одну точку. Разговорились. Уходя он положил визитку на стол.

— Вы журналистка. Я видел ваши работы.

— Вообще-то я никто.

— Значит, будете кем-то с моей помощью. Приходите ко мне в офис.

Вот так. В Москве я годами обивала пороги, рассылала резюме, доказывала, что не просто «бывшая жена». А здесь незнакомый мужчина увидел меня, пьющую кофе, и решил дать шанс.

Судьба? Случайность? Отцовское благословение? Не знаю. Но отказаться я не могла.

Потому что хоккей — единственное, что я любила так же

сильно, как сцену. Ледяная арена пахнет детством — отец водил меня на матчи, сажал на плечи, объяснял правила. Там, на трибунах, я чувствовала себя живой задолго до того, как вышла на сцену.

И да — потому что здесь нет его.

Того, чьё имя я запретила себе произносить. Того, кто остался в прошлом вместе с короной, упавшей на грязный пол кафе. Того, кто преследовал меня в кошмарах ещё год после того дождливого вечера.

Хватит. Я здесь не для того, чтобы копаться в прошлом. Новая работа. Новая жизнь. Маленький город, где меня никто не знает. Где нет ни мужа, ни мужчины, разбившего мне сердце.

Тихая, спокойная, скучная жизнь.

Я ещё не знала, что через двенадцать часов войду в офис хоккейного клуба и увижу Георгия.

ГЛАВА 2

АЛИНА

Офис хоккейного клуба «Лёд» располагался в трёхэтажном здании советской постройки, примыкающем к ледовой арене. Никаких стеклянных фасадов, никаких пафосных вывесок. Бетон, запах резинового покрытия и холод, просачивающийся сквозь стены.

Ты работала в медиа, Алина. Ты видела студии, где всё блестит. А теперь — вот это. Привыкай.

Я пришла за пятнадцать минут. Привычка, въевшаяся в кровь: опоздание равно неуважению. А я здесь никто и не имею права на ошибку.

Охранник на проходной долго изучал паспорт, сверялся со списком, потом махнул рукой:

— Третий этаж, налево. Приёмная директора.

Я поднималась по ступенькам и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Глупо. Я работала с артистами, ре-

жиссёрами, истеричными продюсерами. Хоккейный клуб — просто очередная площадка. Очередной шанс доказать, что я чего-то стою.

Тогда почему ладони потеют?

В приёмной пахло кофе и бумагой. Секретарша — женщина лет пятидесяти с химической завивкой — подняла оценивающий взгляд поверх очков.

— Вы Алина?

— Да. Евгений Викторович ждёт.

— Проходите.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Я постучала, услышала «войдите» и шагнула внутрь.

Евгений Викторович оказался именно таким, каким я запомнила его в поезде: подтянутый, с военной выправкой и цепким взглядом. Лет сорок — сорок пять. Ни одной лишней бумаги на столе. На стене — фото команды и карта города с флажками.

— Алина, доброе утро. Садитесь.

Я села в кожаное кресло, стараясь держать спину прямо.

Он смотрел не как мужчина на женщину — как стратег, просчитывающий ходы.

— Я изучил ваше резюме. Хороший опыт в медиа, но хоккей — другая планета. Здесь свои законы. Готовы учиться?

— Готова.

— Отлично. Времени на раскачку нет. Сезон стартует через два месяца. О нас никто не знает. Инвесторы сомневаются. Журналисты смеются. Мы — команда-призрак, собранная с нуля.

Он сделал паузу. Ждал, испугаюсь ли я.

— Значит, у нас есть два месяца, чтобы о нас узнали все. Это вызов. Я люблю вызовы.

Уголок его губ дрогнул. Почти улыбка.

— Вот и славно. Пойдёмте, представлю вас команде. У них утренняя тренировка.

Мы спустились на первый этаж, прошли длинным коридором к арене. Мои каблуки цокали по бетону. Холод становился всё ощутимее. Я поёжилась в тонком пиджаке.

Надо было надеть что-то потеплее. Хотя какая разница —

ты всё равно будешь дрожать не от холода.

Евгений Викторович толкнул тяжёлую дверь, и мы вышли на бортик.

Лёд. Свежий, гладкий, блестящий под лампами. Запах — смесь холода, пота и железа. Звук лезвий, крики, свист, удары клюшек. Я замерла, впитывая всё это.

Детство. Отец. Счастье.

— Команда! — голос директора разрезал шум. — Ко мне. Быстро.

Игроки начали подъезжать. Высокие, плечистые, в шлемах и крагах — стая хищников. Я сглотнула.

— Это Алина. Наш новый пресс-атташе. Отвечает за всё, что будет написано, снято и сказано о нас. Относиться с уважением. Вопросы?

Один из игроков — светловолосый, с капитанской нашивкой — стянул шлем и улыбнулся открыто, дружелюбно.

— Павел, капитан. Добро пожаловать в наш дурдом. Кофе в раздевалке отвратительный, но мы работаем над этим.

— Спасибо, учту.

Первый проблеск тепла. Спасибо, Павел. Ты даже не знаешь, как это сейчас важно.

А потом я услышала его.

— Кого это к нам занесло?

Два года. Два года я запрещала себе вспоминать этот голос. Вырезала из памяти, как вырезают опухоль — с куском живой ткани. А он взял и прозвучал. Будто ничего не было. Будто не было кафе, короны, дождя, такси.

Лёд сковал внутренности быстрее, чем любой холод на этой арене. Я знала каждый оттенок этого голоса. Слышала его во снах. В кошмарах. В тишине пустой квартиры, когда просыпалась среди ночи и рука сама тянулась к телефону.

Только не показывай, что тебе больно. Ты же железная. Ты же сама так решила.

Я медленно повернула голову.

Георгий.

Он стоял поодаль, опираясь на клюшку. Шлема нет. Тёмные волосы влажные после тренировки. Те самые глаза, в которые я когда-то смотрела и верила, что нашла своего человека. Сейчас в них смешались шок, недоверие и что-то ещё. Голодное. Опасное.

— Георгий.

Мой голос прозвучал ровно. Я собой гордилась.

— Вы знакомы? — директор переводил взгляд с меня на него.

— Нет. — Я.

— Да. — Он.

Пауза. Команда замерла. Павел нахмурился.

— Мы работали вместе когда-то. Давно. Ерунда. Я и не вспомнила.

Георгий дёрнулся, будто я его ударила. Побелели костяшки на клюшке. Напряглась челюсть.

Прости. Нет, не прости. Ты заслужил. Ты сам всё разру-

шил.

— Ну, вот и отлично, — резюмировал Евгений Викторович. — Тогда сработаетесь. Алина, пройдёмте, покажу ваш кабинет.

Я развернулась на каблуках и пошла к выходу, чувствуя спиной его взгляд. Прожигающий. Отчаянный. Злой.

Дверь закрылась. Я выдохнула.

Он здесь. Он здесь. Он здесь. План «тихая спокойная жизнь без него» только что разбился о борт хоккейной арены.

Я закрыла дверь кабинета и прислонилась к ней спиной. Сердце колотилось в горле. Руки дрожали.

Соберись. Ты не имеешь права разваливаться. У тебя дочь. У тебя новая работа. Ты не можешь позволить прошлому разрушить будущее. Особенно теперь.

Я достала телефон, посмотрела на заставку — Эля смеётся в объектив. Выдохнула. Убрала телефон.

Ради неё. Всё, что я делаю сейчас, — ради неё.

ГЕОРГИЙ

Я не мог пошевелиться. Коньки будто вмёрзли в лёд.

Она стояла у бортика. Та же прямая спина, тот же идеальный пробор, тот же ледяной взгляд. Красивая. Ещё красивее, чем два года назад. Как это вообще возможно?

«Мы работали вместе когда-то. Давно. Ерунда. Я и не вспомнила».

Ерунда. Я — ерунда.

Тренировка продолжилась, но я не соображал, что делаю. Пропустил пас. Не попал по воротам. Получил шайбой по шлему — даже не заметил.

В раздевалке Павел сел рядом.

— Что это было?

— Ничего.

— Жора. Я тебя знаю восемь лет. Ты побелел, как снег. Кто она?

Я молча стянул краги, швырнул в шкафчик.

— Женщина, которую я потерял. И которая меня ненавидит.

— За что?

— За то, что я идиот.

Павел хмыкнул и заткнулся. За это я его и уважал.

Я сидел в пустой раздевалке ещё минут десять. Она здесь. В этом городе. В этом клубе. Будет приходить на каждую тренировку, на каждый матч. Мы будем видеться каждый день.

И она сказала, что не помнит меня.

Врала. Я видел, как дрогнули ресницы. Как побелели губы. Она помнила. Просто не хотела признавать.

Я достал телефон, открыл старую фотографию. Алина смеётся, корона съехала набок, в руке бокал шампанского. Тот самый вечер. За час до катастрофы.

«Я никогда не сделаю тебе больно».

Ложь. Сделал. Пусть не специально — но сделал.

Теперь судьба дала мне второй шанс. Или наказание. Или и то и другое сразу.

Я поднялся и пошёл к выходу. Мне нужно увидеть её снова. Объяснить. Попытаться.

Но Алина не из тех, кто слушает. Особенно тех, кто однажды её предал.

ГЛАВА 3

АЛИНА

Я вернулась в кабинет, закрыла дверь и прижалась лбом к холодному стеклу. Сердце колотилось где-то в горле. Руки дрожали.

Он здесь. В этой команде. Я буду видеть его каждый день.

Кабинет был крошечным — стол, стул, шкаф для документов и вид на парковку. Ничего личного. Ничего моего. Идеальное место, чтобы собрать себя по кускам.

Через час — первое серьёзное задание: съёмка контента для соцсетей. Интервью с игроками, фото, видео. Евгений Викторович сказал коротко: «Покажите, что мы существуем. Что мы живые. Что за нас можно болеть».

С Георгием в кадре.

Я открыла папку. Павел — дружелюбный, пойдёт легко. Алексей — дерзкий, но фотогеничный. Сергей — спокойный, с отличным чувством юмора. Георгий — нападающий.

Соберись. Ты профессионал. Ты справишься.

В дверь постучали. Вошла Анастасия — блондинка с идеальным маникюром и улыбкой, от которой у меня сводило зубы. Я так и не поняла, в чём именно её должность, но она вела себя как хозяйка.

— Алина, дорогая! Готовишься к съёмкам? — она обвела кабинет взглядом: «тут даже кошка не поместится». — Как миленько. Мы с Валерием Аркадьевичем подумали, может, тебе нужна помощь? Я всех мальчиков знаю сто лет.

— Справлюсь.

— Ну-ну. Смотри, не облажайся. Хоккей — это тебе не клипы снимать.

Я медленно повернулась. Откуда она знает про клипы?

Анастасия улыбалась — сладко и ядовито.

— Я учту твою заботу. А теперь прости, мне нужно работать.

Она выплыла из кабинета, оставив шлейф дорогих духов.

Я выдохнула.

Значит, у меня уже есть враги. Прекрасно.

Через час я стояла в холле арены с микрофоном. Оператор Дима настраивал камеру. Игроки подтягивались по одному.

Павел подошёл первым — мокрые после душа волосы, клубная толстовка, улыбка, от которой тает полгорода.

— Ну что, пресс-атташе, пытаться будешь?

— Быстро. Готов?

— Всегда готов.

Я задала вопросы про сезон, цели, атмосферу. Он отвечал легко, шутил, пару раз посмотрел в камеру так, что Дима показал большой палец. Идеальный капитан.

Алексей — молодой вратарь — на вопрос «почему выбрали хоккей?» ответил: «Потому что в футболе вратарям скучно». Я рассмеялась — первый настоящий смех за долгое время.

Сергей оказался тёплым и уютным, как большой медведь.

Говорил размеренно, с достоинством, но глаза смеялись. Он мне нравился.

И всё это время я знала, что он стоит в стороне и смотрит.

Георгий ждал, прислонившись к стене. Руки скрещены. Взгляд не отрывается от меня. Я чувствовала его кожей — как тепло от костра, когда стоишь слишком близко и знаешь, что обожжёшься.

— Следующий.

Он подошёл. Остановился в метре. Я подняла взгляд — его глаза были ближе, чем безопасно.

— Имя?

— Георгий. — Смотрел не в камеру. На меня.

— Позиция?

— Нападающий. Во всех смыслах.

Я проигнорировала подтекст. Почти.

— Чего ждёте от сезона?

— Побед. Искупления. Шанса всё исправить.

Это не про хоккей. Не только про хоккей.

— Что для вас хоккей?

— Всё. И немного больше.

— Последний вопрос. Что бы вы сказали человеку, который в вас разочаровался?

Тишина. Дима замер за камерой. Я сама не поняла, зачем задала этот вопрос. Он сорвался с языка — глупый, опасный, слишком личный.

Георгий смотрел мне прямо в глаза.

— Я бы сказал: я знаю, что облажался. Но я ни о чём не жалею так сильно, как о том дне. И я бы отдал всё, чтобы повернуть время вспять.

— Снято, — сказал Дима. — Отличный материал.

Я резко опустила микрофон.

— Спасибо. Ты свободен.

— Алина...

— Свободен. Дима, давай общий план аренды.

Он стоял у меня за спиной ещё несколько секунд. Потом

шаги стихли.

Выдох. Ты справилась. Почти.

ГЕОРГИЙ

Я облажался. Снова.

Нет, не так. Я облажался два года назад, а сейчас просто подтвердил это в эфире.

Она задала вопрос — и я увидел, как дрогнула рука. Микрофон качнулся. На секунду маска треснула, и там, под ней, была не ледяная пресс-атташе. Там была Алина. Моя Алина. Та, что смеялась в подъезде. Та, что целовала меня в плечо. Та, что носила дурацкую корону и верила, что я — её рыцарь.

И я сказал правду. На камеру. При всём честном народе.

Ну давай, аплодируйте. Идиот в доспехах всё ещё здесь.

После съёмки команда потянулась в раздевалку. Павел хлопнул меня по плечу.

— Ты в порядке? Выглядишь, будто в тебя шайбой попали.

— Нормально.

— Врёшь. Она — та самая?

Я кивнул.

— Ну, брат, попал ты. Она на тебя смотрит как на пустое место.

— Знаю.

— А ты на неё — как побитый щенок. Это заметно.

Я промолчал. Павел вздохнул.

— Будь осторожен. Тут полно людей, которые ждут, чтобы кто-то споткнулся. Валера, Анастасия... Следи за спиной.

— Разберусь.

Он ушёл. Я остался в холле, делая вид, что проверяю телефон. На самом деле ждал.

Через двадцать минут она вышла из кабинета. Одна. Я пошёл за ней.

Лифт. Я вставил руку в закрывающиеся двери. Они разъехались. Я шагнул внутрь.

Она подняла глаза — и я увидел страх. На долю секунды. Потом лёд вернулся.

— Что тебе нужно?

— Поговорить.

— Нам не о чем.

— Есть.

Лифт поехал вниз. Мы стояли в метре друг от друга. Я слышал её дыхание. Чувствовал запах духов — другой, не тот, что раньше, но всё равно сводящий с ума.

— Я не знал, что ты будешь здесь.

— Я тоже. Иначе не приехала бы.

Удар под дых. Заслуженный.

— Дай мне пять минут.

— Зачем? Чтобы ты снова сказал, что это «не то, что я думаю»?

— Алина...

— Ты потерял право на разговоры два года назад. Когда я стояла в вечернем платье с короной на голове и смотрела, как ты смеёшься с другой. Я поверила тебе. Я после развода год никого к себе не подпускала. А ты вломился в мою жизнь,

сказал, что я королева, — и растоптал всё за один вечер.

Двери открылись. Она шагнула наружу.

— Я храню твою корону. Она до сих пор у меня.

Алина замерла. Плечи напряглись. Рука, сжимающая ремешок сумки, побелела.

А потом пошла дальше. Быстро. Не оглядываясь.

Я смотрел ей вслед и понимал: только что я либо всё испортил окончательно, либо впервые за два года пробил её броню.

Я не знал, что это — победа или поражение. Но я знал, что не отступлюсь.

ГЛАВА 4

АЛИНА

Я не спала три ночи.

С того дня в лифте, когда он сказал про корону. «Я храню твою корону. Она до сих пор у меня». Эта фраза засела во мне как заноза — я крутила её в голове, прокручивала, ненавидела и не могла забыть. Он хранил её. Два года. После всего.

Зачем? Зачем ты это делаешь? Почему ты не можешь просто исчезнуть из моей головы?

Хуже всего было то, что я работала с ним каждый день. Видела его утром — мокрого после тренировки. Днём — смеющегося с Павлом в столовой. Вечером — усталого, сидящего на трибуне и смотрящего на пустой лёд. И каждый раз, когда наши глаза встречались, внутри что-то сжималось. Не ненависть. Хуже. То, что я запретила себе чувствовать.

На четвёртый вечер я сорвалась.

Было поздно. Клуб опустел. Я допоздна засиделась над пресс-релизом и собиралась домой, когда увидела свет в коридоре, ведущем к раздевалкам. Я знала, кто там. Знала — и всё равно пошла.

Ты же обещала себе. Ты же железная. Железо не ходит по ночам в раздевалки к бывшим.

Дверь была приоткрыта. Он сидел на скамейке, спиной ко мне, в одной футболке, перебирая клюшку. На полу — сумка с формой. На шее — капельки пота после вечерней тренировки. Он не слышал моих шагов.

— Георгий.

Обернулся резко. Вскочил. На лице — удивление, недоверие, надежда. Я ненавидела эту надежду. И себя за то, что пришла.

— Алина? Что-то случилось?

Я закрыла дверь. Щелчок замка. Он это услышал. Взгляд изменился.

— Я пришла сказать. — Голос ровный, хотя внутри всё дрожало. — Держись от меня подальше.

— Ты закрыла дверь, чтобы сказать это?

— Да.

— Ты врёшь. Ты пришла не за этим.

— Не учи меня, за чем я пришла.

— Тогда скажи. Глядя мне в глаза. Скажи, что ничего не чувствуешь.

Я открыла рот — и не смогла. Слова застряли в горле. Потому что он стоял слишком близко. Потому что его запах — хоккей, мыло, он — тот самый запах, который я помнила два года. Потому что его глаза смотрели на меня так же, как тогда в подъезде. Так же.

Я знала, что проиграю. С самого начала знала.

— Ненавижу тебя.

— Знаю.

— Ты разрушил меня.

— Знаю.

— Я не хочу тебя видеть. Не хочу слышать. Не хочу чувствовать.

— Но ты здесь.

Я ударила его — ладонью в грудь. Не сильно. Он перехватил мою руку. Я попыталась вырвать — он не отпустил. Пальцы сжались вокруг запястья. Мы замерли в миллиметре

друг от друга.

— Отпусти.

— Не могу. Я пытался. Два года пытался. Не получается.

Сломалась. Полностью. До основания.

Я схватила его за футболку, притянула к себе и поцеловала. Жёстко. Зло. С отчаянием, которое копилось два года. Он ответил мгновенно — будто только этого и ждал. Его руки обхватили моё лицо, прижали крепче. Спина впечаталась в стену раздевалки. Холодный бетон сквозь тонкую блузку. Его губы на моей шее. Мои пальцы в его волосах.

— Я ненавижу тебя, — повторяла я как молитву. — Ненавижу. Ненавижу.

— Знаю, родная. Ненавидь. Только не уходи.

Футболка полетела на пол. Его ладони скользнули под мою блузку — горячие, шершавые, знакомые до дрожи. Тело помнило то, что разум пытался забыть. Каждое прикосновение. Каждый вздох. Каждую ночь, которую мы провели вместе, пока всё не рухнуло.

Он опустился на колени. Прямо на бетонный пол раздевалки. Поднял глаза.

— Я на коленях перед тобой, Алина. В прямом смысле. Я был идиотом. Я потерял тебя. Но я здесь. И я никуда не уйду. Хочешь — накажи. Хочешь — прогони. Но я твой. Всегда был твоим.

Слёзы потекли по щекам. Я не заметила, когда начала плакать. Он вытер их губами — нежно, почти благоговейно. Его руки легли на мои бёдра. Его дыхание обжигало кожу.

Дальше — как в тумане. Юбка на полу. Его губы везде. Мои стоны, которые я не могла сдерживать. Бетон под спиной — холодный, но мне было всё равно. Его имя — единственное, что осталось в моём лексиконе.

— Георгий...

— Я здесь. Я с тобой. Я никуда.

Мы не дошли до скамейки. Не дошли до душа. Не дошли никуда. Прямо на полу раздевалки, среди формы и клюшек, он взял меня — жёстко, жадно, так, как умел только он. И я отвечала тем же. Потому что это было сильнее меня. Сильнее ненависти. Сильнее гордости.

Потом мы лежали на его толстовке. Я смотрела в потолок. Он смотрел на меня. Ждал.

— Это ничего не меняет. — Голос охрип.

— Меняет.

— Я всё ещё тебе не верю.

— Я докажу.

— Ты не сможешь.

— Смогу. Я два года ждал. Подожду ещё.

Я повернула голову. Он смотрел так, будто я — чудо. Будто я — его искупление. И где-то глубоко внутри, под слоями льда и боли, что-то треснуло.

Я не сказала «прощаю». Не сказала «люблю». Я просто не ушла.

Этой ночью, в пустой раздевалке, этого было достаточно.

ГЕОРГИЙ

Я держал её в объятиях и боялся дышать. Боялся, что она исчезнет. Что это сон. Что я проснусь один, и всё будет как прежде — пустота, хоккей, мысли о ней.

Она уснула. Прямо на моей толстовке, свернувшись кала-

чиком, как тогда, два года назад. Ресницы подрагивали. Дыхание ровное.

Только не просыпайся. Только не уходи. Только не говори, что это ошибка.

Я осторожно убрал прядь волос с её лица. Она не проснулась. И я прошептал в темноту:

— Я докажу, Алина. Клянусь. Даже если это займёт всю жизнь.

Это мой единственный шанс. И я его не упущу.

ГЛАВА 5

АЛИНА

Я проснулась от холода.

Бетонный пол раздевалки — не лучшее место для сна, даже если под тобой чужая толстовка, а на груди лежит горячая мужская рука. Я открыла глаза и несколько секунд просто смотрела в потолок, пытаюсь понять, где я и почему всё тело ноет.

А потом вспомнила.

Его рука на моём животе. Его размеренное дыхание над ухом. Запах — смесь пота, мыла и нас. Разбросанная по полу форма. Моя юбка, висящая на скамейке каким-то нелепым флагом.

Господи. Что я наделала.

Я осторожно повернула голову. Георгий спал — растрёпанный, с отросшей за ночь щетиной, губы чуть приоткрыты. Во сне он выглядел моложе. Беззащитнее. Как тот парень,

который когда-то держал меня за руку в подъезде. Как мужчина, который час назад стоял передо мной на коленях и говорил: «Я твой».

Я пришла сюда, чтобы сказать «держись подальше».

Я закрыла дверь на замок. Я набросилась на него, как голодная. Я позволила ему делать со мной всё, что он хотел. И мне было всё равно, что за стеной — пустой коридор, что уборщик может войти в любой момент, что завтра вся команда будет смотреть на меня, а я не смогу смотреть в глаза ему, не краснея.

— Ты проснулась, — его голос, хриплый спросонья, прошепел у самого уха. Он не открывал глаз, но рука на моём животе напряглась, притягивая ближе.

— Я не должна была этого делать, — прошептала я.

— Но сделала.

— Это ошибка.

Он открыл глаза. Тёмные, всё ещё сонные, но уже с той самой искрой, которую я так хорошо помнила.

— Ты жалеешь?

Я посмотрела на него — на разбитую губу (кажется, я сама её прикусила), на следы моих ногтей на плече, на толстовку, скомканную под нами. Жалела ли я?

— Нет, — выдохнула я честно. — И это хуже всего.

Он медленно улыбнулся — не самоуверенно, а так, будто я только что подарила ему надежду. Его ладонь скользнула выше, к моей груди. Сердце колотилось как бешеное. Он чувствовал.

— У нас мало времени, — прошептал он, нависая надо мной. — Через полтора часа тренировка. Уборщики приходят в шесть.

— Тогда мне нужно уйти. Сейчас.

— Сейчас? — его губы уже прокладывали дорожку от моего уха к ключице. Я выгнулась против воли.

— Георгий...

— Я просто хочу запомнить тебя, — сказал он между поцелуями. — Вдруг ты опять сбежишь.

Я не сбежала. Я позволила ему запомнить меня ещё раз — быстро, торопливо, пока за окном начинал сереть рассвет. На этот раз мы хотя бы добрались до скамейки.

Потом я стояла перед запотевшим зеркалом в углу раздевалки и пыталась привести себя в порядок. Волосы — катастрофа. Блузка помята. На шее — след, который не скроет никакой шарф. Я застегнула воротник до последней пуговицы, чувствуя, как горят щёки.

Георгий подошёл сзади, положил руки мне на плечи. В зеркале мы выглядели как пара. Как те двое, которыми были два года назад. Только теперь между нами стояло прошлое — невысказанное, неразрешённое, отравляющее.

— Я не знаю, что теперь, — сказала я тихо. — Я не могу делать вид, что ничего не было. Но я не могу и...

— Тебе не нужно ничего решать сейчас, — перебил он. — Просто не убегай. Дай мне шанс.

Я хотела ответить, но в коридоре слышались шаги. Тяжёлые. Уверенные. Кто-то шёл к раздевалке.

Мы замерли.

— Чёрт, — прошипела я. — Кто это?

— Уборщик, наверное. Или Павел — он всегда приходит первым.

— Мне нельзя, чтобы меня здесь видели!

Георгий схватил мою сумку, впихнул мне в руки и подтолкнул к двери, ведущей в душевую.

— Там запасной выход в технический коридор. Иди налево, потом по лестнице вверх. Выйдешь через пожарную дверь на парковку.

— А ты?

— Скажу, что засиделся допоздна. Иди.

Я метнулась к двери, но он поймал меня за локоть. На секунду прижал к себе — сильно, почти до боли. Поцеловал в висок.

— Я никому не скажу, — прошептал он. — Пока ты сама не захочешь.

Шаги приближались. Я выскользнула за дверь, когда замок входной двери уже щёлкнул, впуская раннего гостя.

В техническом коридоре пахло пылью и хлоркой. Я бежала по лестнице, прижимая сумку к груди, как преступница. Пожарная дверь поддалась с отвратительным скрипом. Я вывалилась на холодную парковку, под морозящий дождь, и только там позволила себе выдохнуть.

Но когда я села в машину, то увидела своё отражение в зеркале заднего вида — и на губах была улыбка. Та самая, которую я не носила два года.

ГЕОРГИЙ

Дверь открылась, и вошёл Павел. Слава богу, не уборщик.

Он замер на пороге, оглядывая разгром в раздевалке. Толстовка на полу. Ключка, которую кто-то явно пинал в порыве страсти. Пустая бутылка из-под воды, которую мы опрокинули. Я сидел на скамейке, делая вид, что завязываю шнурки.

Павел перевёл взгляд с меня на след от губной помады на

моей шее — я ещё не видел, но догадывался, что он там есть. Потом посмотрел на женскую заколку, одиноко лежащую на полу у моих ног.

Я мысленно застонал.

— Серьёзно? — спросил Павел. — В раздевалке?

— Я не знаю, о чём ты.

— Заколка. Помада. Ты сидишь тут в шесть утра с видом кота, который сожрал канарейку.

Я молча поднял заколку и убрал в карман. Павел при-
свистнул.

— Это она, да? Пресс-атташе?

— Паш, я прошу тебя...

— Да ладно, не кипятись. Я никому не скажу. Но ты бы
прибрался, что ли. Через час тут полкоманды будет.

Он прошёл к своему шкафчику, но у самой двери обер-
нулся.

— Жора... Я рад за тебя. Правда. Но будь осторожен. Если кто-то из руководства узнает, что вы спите, у неё будут проблемы. Не у тебя — у неё. Ты звезда, тебя прикроют. А она новенькая, её сожрут.

Я знал. Знал и ненавидел эту правду.

— Я не дам её в обиду.

— Ну-ну. Посмотрим.

Он скрылся в душевой, а я сидел и смотрел на опустевшую раздевалку, где час назад она была моей — полностью, без остатка, с ненавистью и слезами, но моей.

Я достал из кармана заколку — простую, чёрную, с облупившимся краем. Она пахла её волосами. Я поднёс её к лицу и на секунду закрыл глаза.

Алина вернулась. Она не простила меня. Она всё ещё ненавидит. Но она была здесь, и её тело помнило меня так же, как моё помнило её. Я сказал себе: это только начало. Я не отступлюсь, даже если она будет гнать меня каждый день. Потому что я знаю: за этой бронёй — та самая женщина, которая однажды подарила мне свою корону.

И я намерен её вернуть.

«ЛЁД»

АЛИНА

— Нет.

— Да.

— Георгий, я на каблуках. Я упаду.

— Не упадёшь. Я держу.

Мы стояли на бортике пустой арены. Вечерняя тренировка закончилась час назад, команда разошлась, и только мы двое остались в этом ледяном храме. Он — в коньках, с той самой улыбкой, от которой у меня до сих пор подкашивались колени. Я — в юбке-карандаш и блузке, с планшетом в руках, потому что шла мимо и якобы «просто проверяла расписание».

Якобы. Кого ты обманиваешь, Алина?

— Ты же пресс-атташе, — он скрестил руки. — Должна понимать команду. Понимать лёд. Понимать, чем мы дышим.

— Я понимаю лёд. Я смотрела хоккей с детства.

— Смотреть — не значит чувствовать. Давай. Один круг.

Я тебя не отпущу.

Я закатила глаза, но отложила планшет и сняла туфли. Он протянул запасные коньки — откуда-то из недр раздевалки, явно приготовленные заранее.

— Ты спланировал это.

— Возможно. — Он опустился передо мной на колени и перехватил шнурки. — Ты неправильно затягиваешь. Будет болтаться голеностоп.

Я смотрела на его склонённую голову, на его волосы, на широкие плечи — и сердце сжималось. Тот самый мужчина, которого я ненавидела и хотела одновременно. Сейчас он шнуровал мои коньки, и это было интимнее любого поцелуя.

Господи, Алина, ты пропала.

— Готово. — Он поднялся и протянул руку. — Пойдём.

Я встала. Лёд приближался — белый, блестящий, пугающий. Сделала шаг с бортика — и тут же поехала, взмахнув руками. Георгий поймал меня за талию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.